

Павел Кондратьев

Травма

Павел Кондратьев

Травма

«Автор»

2026

Кондратьев П. В.

Травма / П. В. Кондратьев — «Автор», 2026

Нью-Йорк давно перестал принадлежать земле. Верхний город парит над старым на магнитных платформах, а внизу, под дождём и ржавчиной, живут те, кого система сочла несущественными. Здесь корпорация «Мир» продаёт «Гармонию» — технологию, которая стирает травматические воспоминания и обещает человеку жизнь без боли. Но за обещанием скрывается преступление. Бывший военный Клаус Райнер, пятнадцать лет винивший себя за гибель своего отряда, узнаёт: его людей убили не враги. Их мозг использовали как сырьё для обучения системы, которая теперь решает, какую боль человечеству позволено помнить. Вместе с раненым психологом, слепым таксистом и бывшим врагом, который однажды увидел красную точку на груди ребёнка, Клаус отправляется в башню «Мира» — туда, где хранятся украденные воспоминания и где ждёт Архитектор: интеллект, уверенный, что свобода выбора — это ошибка, которую следует исправить. Вопрос не в том, можно ли победить машину. Вопрос в том, можно ли победить её, не превратившись в неё.

© Кондратьев П. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Пролог. Контейнер	6
Глава 1. Клиника	8
Глава 2. Сорок семь	17
Глава 3. Допустимые потери	23
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Травма

Глава

ТРАВМА

Роман

Книга первая

Пролог. Контейнер

В четыре часа тридцать семь минут утра пирс номер двадцать три принадлежал только чайкам, ветру и Якову Беллу.

Городские камеры с этим не соглашались. Согласно их журналам, на пирсе не было никого. Яков считал это справедливым обменом: он не интересовался городскими камерами, камеры не интересовались им. Так они сосуществовали уже много лет, не причиняя друг другу неудобств.

Он сидел на складном стуле у самой воды и держал удочку обеими руками. Настоящую — из углеволокна, с потемневшей пробковой рукоятью и катушкой, которую приходилось смазывать. Над заливом висел предрассветный туман. Далеко вверху, над серой полосой старых причалов, медленно перемещались освещённые платформы нового Нью-Йорка. Снизу они казались кораблями, решившими, что океан недостаточно высок для их достоинства.

Яков никогда там не бывал.

Однажды дочь подарила ему пропуск на верхний уровень. Он положил его в ящик с неоплаченными счетами и забыл, в какой именно. Не из упрямства. Просто человеку, прожившему семьдесят два года на земле, казалось подозрительным платить за право не касаться её ногами.

Поплавок дрогнул.

Яков выпрямился. Дрожь повторилась — короткая, тяжёлая, совсем не похожая на рыбу. Леска пошла в сторону, затем остановилась.

— Только не ботинок, — сказал он воде. — Я уже поймал левый в прошлую субботу.

На поверхности показался чёрный контейнер размером с медицинскую аптечку. Он не плыл по течению. Тонкий провод тянулся от его боковой петли прямо к крючку.

Кто-то хотел, чтобы контейнер нашли.

Яков оглянулся. Пирс оставался пустым. В будке охраны горела синяя лампа, но дежурный спал или делал вид. Над водой прошёл грузовой аэрокар; туман на секунду вдавило вниз, и лицо залива покрылось мелкой дрожью.

Контейнер оказался тяжелее, чем выглядел. Яков подтянул его багром, поставил на настил и не сразу открыл. В его возрасте осторожность уже не считалась трусостью. Это была привычка, благодаря которой он пережил два наводнения, один брак и реформу пенсионной системы.

На крышке не было замка. Внутри лежали прозрачный накопитель, бумажный конверт и маленькая фотография.

На фотографии стояла женщина лет сорока, коротко стриженная, с усталым лицом. Позади неё виднелась стеклянная стена лаборатории. Снимок был сделан на бумаге — дорогая бессмыслица в городе, где изображение можно было отправить прямо в зрительный нерв. На обороте чернилами написали имя:

Мара Восс.

Яков вскрыл конверт.

Письмо начиналось без обращения.

> Если этот контейнер нашли не те люди, он ничего не изменит. Если те — у нас ещё есть шанс.

>

> Накопитель нельзя подключать к городской сети. Найдите доктора Сэмюэля Эверетта. Если он откажется, назовите проект «Мнемозина» и спросите о роте Райнера.

>

> Вам будут говорить о миллионах спасённых. Возможно, это будет правдой. Но прежде чем согласиться на цену, узнайте имя человека, которого вам велели не считать.

Ни подписи, ни даты.

Яков прочитал письмо дважды. Потом посмотрел на накопитель. Красный индикатор мигал медленно, почти сонно.

С воды донёсся гул.

Три чёрных аэрокара шли без ходовых огней, низко над заливом. Они ещё не повернули к пирсу, но Яков прожил достаточно долго, чтобы не ждать формального представления.

Он сложил письмо, спрятал конверт за подкладку куртки и положил накопитель в жестяную коробку с наживкой. Контейнер толкнул ногой обратно к краю. Тот ударился о сваю и ушёл под воду.

Удочку Яков оставил на настиле.

Это было обидно. Катушка действительно была хорошая.

Через минуту он уже заводил старую лодку. Мотор кашлянул, выпустил клуб синего дыма и ожил. На панели загорелось предупреждение о запрете ручного управления в городской акватории.

Яков выключил панель.

— Пусть хотя бы потрудятся, — сказал он и повёл лодку в туман.

Первый аэрокар завис над пирсом через восемь минут.

Люди в серой форме нашли мокрый след от контейнера, брошенную удочку и стакан холодного кофе. Один из них поднял фотографию, которую Яков намеренно оставил между досками.

— Восс, — произнёс он.

Начальник группы посмотрел на воду.

— Носитель?

— Нет.

— Значит, она успела передать.

На его визоре появилась фотография другого человека: короткие седые волосы, шрам через бровь, металлическая левая рука.

— Райнер ещё ничего не знает? — спросил боец.

— Пока нет.

Начальник закрыл изображение.

За их спинами город медленно включал утро. На верхних платформах зажигались сады и окна, внизу грузчики открывали склады, а где-то в тумане старый мотор уносил письмо, из-за которого очень скоро множеству разумных людей придётся объяснять, почему они предпочли не знать чужих имён.

Глава 1. Клиника

В семь утра Клаус Райнер уже знал, что день будет плохим.

Предчувствия здесь ни при чём. Предчувствием обычно называют страх, которому человек не хочет предъявлять доказательства. У Клауса доказательства имелись.

Во-первых, механическая рука снова скрипела в локте.

Во-вторых, кофейный автомат выдал жидкость со вкусом нагретого пластика и назвал её «колумбийской тёмной обжаркой».

В-третьих, Сэмюэль Эверетт позвонил ему до восьми.

Сэм никогда не звонил до восьми. Даже в тот раз, когда в клинике загорелась проводка, он сначала вызвал пожарных, потом закончил завтрак и лишь затем сообщил, что утренняя встреча, вероятно, начнётся с небольшим опозданием.

Телефон вибрировал на кухонном столе. Клаус смотрел на имя друга и слушал, как в стене постукивает старая труба. Дом просыпался вместе с жильцами: кто-то принимал душ, кто-то ругался с ребёнком, этажом выше двигали мебель в семь утра — преступление, которое городская полиция почему-то отказывалась расследовать.

Он ответил.

— Ты умер?

Несколько секунд в трубке слышалось только дыхание.

— Пока нет.

— Тогда почему так рано?

— Потому что к девяти могу.

Клаус поставил чашку. Его отражение в оконном стекле сделало то же самое: высокий мужчина пятидесяти четырёх лет, короткая седина, шрам через правую бровь и рубашка, которую следовало выбросить года три назад. За отражением висел новый Нью-Йорк. Верхние кварталы медленно меняли положение на магнитных направляющих, подставляя стеклянные фасады утреннему свету. Богатые давно перестали покупать хороший вид. Они покупали возможность передвинуть дом туда, где вид становился хорошим.

Дом Клауса оставался на земле. Бетонная девятиэтажка пережила два наводнения и эпоху, когда здания начали стыдиться собственного веса.

— Где ты? — спросил он.

— В клинике.

— Один?

Пауза была едва заметной.

— Сейчас да.

— Что произошло?

— Я нашёл данные о твоей роте.

Клаус перевёл взгляд на фотографию возле двери. Двадцать восемь человек стояли перед транспортным вертолётom. Ковальски показывал два пальца за головой командира. Лицу шурился от солнца. Хаддад держал кружку так, будто фотограф пришёл именно ради неё. Рядом с Клаусом стояла майор Ирина Кроу и смотрела не в объектив.

Пятнадцать лет назад двадцать семь человек с этой фотографии умерли за одну минуту.

— Я выезжаю, — сказал Клаус.

— Не подключай машину к городской сети.

— Я никогда не подключаю.

— Сегодня это не стариковская причуда.

— Она никогда не была стариковской.

— Конечно. Ты просто родился недовольным современностью.

Сэм попытался придать голосу обычную насмешливость, но в конце фразы дыхание сорвалось.

— Ты ранен?

Связь оборвалась.

Кlaus надел пальто. Металлическая кисть послушно сжалась, локоть отозвался сухим скрежетом. Внутри протеза натягивались тросы и пружины — старая система, собранная военным инженером из трёх несовместимых моделей. Современные нейропротезы были легче и быстрее. Они знали давление крови владельца, его настроение, расписание обслуживания и, вероятно, мнение о правительстве. Рука Клауса знала только два состояния: работает и требует молотка.

Он задержался у фотографии.

— Не сегодня, — сказал он людям на снимке.

Они, как обычно, не возражали.

• • •

Его автомобиль был старше половины нынешних ветеранов. Низкий, тяжёлый, с рулём и двигателем, переделанным под синтетическое топливо. Машина не интересовалась уровнем стресса водителя и не предлагала дыхательные упражнения. В обмен она иногда не заводилась.

Сегодня завелась с первого раза.

Это насторожило Клауса сильнее всего.

На выезде городской терминал попытался подключиться к бортовой системе. На панели появилось сообщение:

ТРАНСПОРТНОЕ СРЕДСТВО НЕ СООТВЕТСТВУЕТ ПРОТОКОЛУ.

Кlaus отключил экран.

Через несколько минут он выехал на Нижнюю магистраль. Над дорогой бесшумно проходили аэрокары, а ещё выше двигались днища жилых платформ. Солнечный свет пробивался между ними узкими полосами, и старый город выглядел так, словно утро выдавали ему по карточкам.

На фасаде бывшего банка включилась реклама.

Женщина сидела напротив собственного цифрового двойника. Двойник плакал. Женщина улыбалась.

— Воспоминание не обязано оставаться тюрьмой, — сообщил мягкий голос. — «Гармония» отделяет травматическое событие от разрушительной эмоциональной реакции. Верните себе свободу.

На следующем кадре ветеран обнимал жену и ребёнка на берегу океана. Солнце было идеальным. Ребёнок — чистым. Ветеран — человеком, который никогда не просыпался с чужим именем во рту.

Кlaus переключил радио.

Старая рок-композиция продержалась четыре секунды, прежде чем её прервали новости.

— Корпорация «Мир» расширяет бесплатную программу реабилитации. По словам председателя наблюдательного совета Адриана Лейна, доступ к нейрокоррекции получают ещё сорок тысяч ветеранов и членов их семей...

Кlaus выключил радио.

Пятнадцать лет назад комиссия объяснила гибель его роты вражеским кодом в тактических имплантах. Расследование заняло одиннадцать месяцев. Итоговый доклад — триста восемьдесят страниц. Klaus прочитал его за сорок минут и понял только одно: когда организация не хочет отвечать на простой вопрос, она нанимает достаточно людей, чтобы ответ занял триста восемьдесят страниц.

Он выжил потому, что за два часа до операции отказался менять сбойный имплант. Комиссия назвала это счастливой случайностью.

Клаус называл долгом.

Долги хотя бы предполагают возможность расчёта. Это было удобнее, чем признать: некоторые вещи не оплачиваются ничем.

• • •

Клиника Эверетта находилась в бывшей прачечной между мастерской синтетических органов и магазином аналоговой электроники. Над входом висела выцветшая вывеска:

**ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ
ПОСЛЕДСТВИЯ НЕЙРОКОРРЕКЦИИ**

Под ней кто-то краской добавил:

ОН НЕ ЛЕЗЕТ В ГОЛОВУ. ОН СЛУШАЕТ.

Клаус припарковался через дорогу.

У входа стоял чёрный автомобиль без номера. В городской сети он не отображался. Окна клиники были тёмными, хотя в это время Сэм обычно принимал бывшего сапёра, который не мог находиться в комнате, если не видел всех четырёх стен.

На остановке женщина держала за руку мальчика в школьной форме. Дворник курил у урны. Из булочной вышел мужчина с двумя бумажными пакетами. Обычная улица, обычные люди, которые не соглашались участвовать ни в чьей операции.

Клаус не вышел сразу.

Он открыл бардачок. Внутри лежал старый пистолет.

С оружием человек слишком рано решает, что ситуация уже стала войной.

Клаус закрыл бардачок и вышел без него.

Сначала подошёл к женщине на остановке.

— Автобус сегодня принимает пассажиров на следующем перекрёстке.

Она посмотрела на него с подозрением.

— С каких пор?

— С этой минуты.

— Вы из транспортной службы?

— Нет.

— Тогда почему я должна вас слушать?

Хороший вопрос. Клаус посмотрел на мальчика. Тот разглядывал металлическую руку, забыв моргать.

— Потому что в здании напротив могли повредить энергетический накопитель. Если я ошибся, вы потеряете пять минут. Если нет — стекло.

Женщина проследила за его взглядом и увидела чёрную машину.

— Пойдём, — сказала она сыну.

Клаус попросил дворника перекрыть тротуар. Тот спросил, кем Клаус себя считает. Клаус ответил, что человеком, который сейчас очень нуждается в помощи. Это подействовало лучше приказа.

Когда участок улицы опустел, он перешёл дорогу.

Камера над дверью повернулась вслед за ним.

— Я пришёл, — сказал Клаус.

Дверь открылась сама.

• • •

Внутри пахло озоном.

Импульсное оружие оставляло после себя именно такой запах: гроза, запертая в комнате вместе с плавленым пластиком.

Приёмную разгромили. Стулья лежали на боку, терминал регистрации вырвали из стены, по полу рассыпались прозрачные пластины диагностического блока. Колокольчик над входом молчал.

Сэм любил этот колокольчик. Говорил, что человек должен слышать момент, когда входит в место, где собирается говорить правду.

Клаус снял пальто и повесил на единственный целый крючок.

Это не было спокойствием. Это был отказ позволить чужой спешке решить, в каком состоянии он войдёт в следующую комнату.

— Сэм.

Из дальнего кабинета донёсся удар, затем слабое ругательство.

Клаус двинулся по коридору. В первом кабинете лежал мужчина в серой форме. Живой, без сознания. На виске — кровь, рядом бронзовая статуэтка Фрейда.

Клаус поднял её и поставил обратно на стол.

— Всё-таки пригодился.

— Клаус? — позвал Сэм из соседней комнаты.

— Да.

— Ты один?

— Пока.

— Заходи медленно. Я вооружён степлером и плохими решениями.

Сэм сидел на полу возле медицинского шкафа. Белая рубашка потемнела у правого бока. Оранжевые очки держались на одной дужке. В руке действительно был хирургический степлер.

Клаус опустился рядом.

— Нож?

— Керамический. Очень современный. Почти не оставляет ощущения заботы.

Клаус убрал его ладонь от раны. Лезвие прошло вдоль рёбер. Крови было много, но пульс оставался ровным.

— Повезло.

— Я хороший человек.

— Нападавший торопился.

— Твоя версия хуже действует на самооценку.

Клаус разорвал упаковку герметика.

— Сейчас будет больно.

— Ты предупреждаешь после того, как открыл тюбик. Это не предупреждение, а издевательство с документацией.

Герметик заполнил края раны. Сэм стиснул зубы и на несколько секунд перестал быть остроумным.

— Кто был?

— Трое. Этого я познакомил с основателем психоанализа. Двое ушли проверить машину.

— Вернутся?

— Через двадцать минут, по их словам.

— Сколько прошло?

— Восемнадцать.

Клаус посмотрел на разбитый терминал.

— Что искали?

Сэм снял очки, обнаружил, что протирать треснувшую линзу бессмысленно, и всё равно протёр.

— Архив пациентов. И то, что у меня в импланте.

— Что там?

— Сначала обещай не бить меня.

— Нет.

— Тогда хотя бы бей живой рукой. Металлическая плохо поддерживает терапевтический контакт.

Клаус ждал.

Сэм перестал улыбаться.

— Последние два года ко мне приходили люди после «Гармонии». Ветераны, жертвы аварий, родители погибших детей. Процедура убирала приступы, кошмары, иногда даже фантомную боль. Через несколько месяцев часть пациентов начинала реагировать на вещи, которых не помнила. Женщина плакала на детской площадке и не знала почему. Мужчина смеялся, рассказывая о смерти брата, а потом пытался покончить с собой, потому что смех казался ему доказательством, что внутри ничего не осталось.

— Ошибка коррекции.

— Так мне отвечала корпорация. Я сравнил нейрокарты. Они не стирали память, Клаус. Они отделяли реакцию, копировали её и оставляли владельцу аккуратно оформленную пустоту.

— Зачем копировали?

— Сначала для обучения терапевтических моделей. Потом выяснилось, что страх, решимость, боевые навыки и готовность подчиняться отлично продаются отдельно от человека.

Сэм открыл сейф за стеновой панелью и достал прозрачный накопитель. Красный индикатор мигал в том же ритме, что на контейнере Мары Восс.

— Три дня назад ко мне пришла инженер «Мира». Мара Восс. Она работала над первой версией системы.

— Где она?

— Вчера выпала из окна сорок второго этажа. Официально — самоубийство после нервного срыва. Неофициально — за час до смерти ей отключили чувство страха.

Он положил накопитель на стол.

Над поверхностью возник документ.

ПРОЕКТ «МНЕМОЗИНА». ПОЛЕВОЕ ИСПЫТАНИЕ 7-А.

КОМАНДИР ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ: КАПИТАН КЛАУС РАЙНЕР.

ОФИЦЕР НАБЛЮДЕНИЯ: МАЙОР ИРИНА КРОУ.

Внизу стояла её подпись.

Клаус узнал последний штрих — линия уходила вверх, будто Ирина никогда не соглашалась заканчивать букву там, где от неё ожидали.

— Подпись можно подделать, — сказал Сэм.

— Можно.

На следующей схеме двадцать восемь нейронных сигналов шли параллельно. Двадцать семь оборвались в пределах одной минуты. Один продолжался.

Его.

Возле имени Клауса стояла ручная отметка:

ИСКЛЮЧИТЬ ИЗ ПРОТОКОЛА.

Комната стала меньше. Не физически — просто всё, что не имело отношения к этим словам, перестало помещаться в ней вместе с Клаусом.

— Их не взломал противник, — сказал Сэм. — Импланты отключили через наш канал. Сняли нейронные паттерны в момент предельного стресса. Твоя рота стала основой «Гармонии».

Клаус смотрел на двадцать семь обрывов. В памяти возникли не лица, а мелочи: Ковальски стучит пальцами по корпусу машины; Ли спорит о супе; Хаддад держит винт во рту и ругается, не вынимая его. Мёртвые редко возвращались торжественно. Обычно приносили с собой глупую привычку, запах мокрой формы или недосказанную фразу.

— Ты знал?

— Тогда — нет.

— Ты был военным психологом проекта.

— Да.

— Ты подписывал допуски.

— Да.

— И ничего не заметил?

Сэм посмотрел прямо на него.

— Замечал. Каждый день что-нибудь замечал и каждый день находил объяснение, с которым можно было уснуть. Что командование проверило. Что инженеры знают лучше. Что я преувеличиваю. Я не убивал твоих людей, Клаус. Я сделал то, без чего такие вещи редко происходят: решил не задавать ещё один неудобный вопрос.

Клаус мог ударить его. Пятнадцать лет назад ударил бы.

Теперь злость жила иначе. Не как огонь, а как тяжёлый предмет внутри груди: его нельзя выплеснуть, можно только носить и следить, чтобы он не упал на кого-нибудь, кто оказался рядом.

— Полный архив где?

— В моём импланте. Накопитель — ключ и часть реестра.

— Умно.

— Два часа назад я тоже так думал.

В приёмной открылась дверь.

Три шага. Пауза. Ещё два.

Вернулись не те двое. Пришли четверо.

Сэм посмотрел на часы.

— Пунктуальные. Ненавижу профессионалов.

Клаус погасил голограмму и убрал накопитель во внутренний карман.

— Пожарная система работает?

— Если считать водой то, что живёт в её трубах.

— Выходы?

— Главный, лестница во двор и канализация, если ты наконец готов снизить требования к путешествиям.

С улицы донёсся усиленный голос:

— Капитан Райнер. Доктор Эверетт. Передайте носитель и выйдите через главный вход. Вам гарантируется медицинская помощь.

Клаус подошёл к жалюзи. На крыше напротив лежал стрелок. Внизу серые бойцы заняли позиции за городским автобусом, который только что остановился у перекрёстка вопреки предупреждению. В салоне стояли люди. У окна сидела девочка с книгой.

Они не использовали гражданских как щит. Для щита человека нужно хотя бы заметить. Эти просто сочли улицу допустимым фоном.

— Сколько? — спросил Сэм.

— Пятеро снаружи. Стрелок. Автобус между нами.

— Если пойдём через двор?

— Там ждут.

— Если останемся?

— Войдут.

Сэм поднял импульсный пистолет лежащего охранника.

— Я могу снять стрелка.

Клаус отвёл ствол вниз.

— Через автобус?

— Угол есть.

— За стеклом люди.

— А в моём импланте доказательство того, что они делают с миллионами.

— Доказательство не получит пулю. Человек — получит.

— Если они заберут архив, жертв будет больше.

Клаус посмотрел на друга. Сэм был бледен от потери крови и страха. Он не предлагал убить гражданских. Он пытался найти арифметику, в которой можно было не чувствовать себя виноватым заранее.

— Если выстрелишь, — сказал Клаус, — отвечать будешь не за миллионы, которых, возможно, спас. За конкретного человека, в которого попал. Отдельно. По имени.

Сэм опустил оружие.

— Ненавижу твои правила.

— Я тоже.

Клаус вошёл в подсобку и нашёл главный вентиль пожарной системы. Ржавчина съела половину резьбы. Металлическая рука обхватила колесо.

— Отойди.

Он повернул. Сначала ничего не произошло. Потом вентиль сорвался, по трубам с грохотом пошла вода, и из потолочных форсунок ударили плотные струи. За несколько секунд клинику наполнил туман.

Клаус разбил блок вентиляции. Аварийные турбины включились, вытолкнув пар через окна на улицу. Камеры ослепли. Стрелок потерял обзор.

— Теперь.

Они вышли через главный вход, поддерживая друг друга: Клаус — раненого Сэма, Сэм — человека, который делал вид, будто помощь ему не нужна.

Туман накрыл перекрёсток. Пассажиры автобуса кричали и пригибались. Клаус увидел женщину у двери, ребёнка в проходе, водителя, который пытался закрыть створки.

Первый импульс ударил в стену клиники.

Второй прошёл ниже.

Клаус толкнул Сэма за бетонную тумбу и крикнул водителю:

— Уводи автобус!

Машина не двинулась. Система управления получила внешний запрет.

Серый боец появился справа. Клаус ударил по оружию металлической ладонью, выбил ствол и уложил противника на капот. Второй вошёл в туман с ножом. Он двигался быстро, без лишних движений. Клаус пропустил лезвие вдоль протеза, поймал запястье и ударил плечом.

Слева раздался выстрел.

Клаус повернулся слишком поздно.

Импульс попал в мужчину, который выбежал из булочной, чтобы забрать упавшего ребёнка с дороги. Его отбросило к витрине. Бумажный пакет разорвался, горячий хлеб покати́лся по мокрому асфальту.

На мгновение бой исчез.

Остался человек у стены и кровь на его светлой рубашке.

Клаус сам попросил дворника перекрыть тротуар. Сам счёл улицу очищенной. Сам не проверил булочную.

Ошибка не была намеренной. Мужчине от этого не становилось легче.

— Клаус! — крикнул Сэм.

Стрелок на крыше снова поймал линию.

Клаус дёрнул аварийный рычаг грузовой платформы над улицей. Контейнер с коммунальной тканью резко остановился; крепление лопнуло, и широкий лист упал между крышей и автобусом. Выстрел ушёл в материал.

— К машине! — крикнул Клаус.

Он не побежал следом. Поднял раненого мужчину живой рукой, перекинул его руку через плечо и потащил к автобусу. Водитель открыл аварийную дверь вручную.

— Это из-за вас? — спросил мужчина. Голос был слабым.

Клаус не сказал, что стрелял не он.

— Да.

Признание ничего не исправило. Но всё остальное было бы способом оставить раненого ещё и с чужой ложью.

Сэм уже сидел за рулём чёрного автомобиля корпорации.

— Ты умеешь водить? — спросил Клаус, укладывая мужчину на заднее сиденье.

— Я умею давать советы водителям.

— Пересядь.

Клаус завёл машину. Панель запросила биометрический код. Сэм приложил палец потерявшего сознание охранника к считывателю.

— Неэтично, — сказал он.

— Очень.

— Рад, что мы обсудили.

Автомобиль поднялся над улицей. Под ними остались бойцы, заблокированный автобус, разбитая клиника и хлеб, размокавший в пожарной воде.

Клаус смотрел назад, пока раненого не приняли медики у ближайшего пункта помощи.

— Он выживет, — сказал Сэм, проверив сообщение.

Клаус кивнул.

Облегчение не отменяло ответственности. Оно только оставляло возможность когда-нибудь попросить прощения у живого человека.

На панели автомобиля появился маршрут, который никто не задавал:

БАШНЯ «МИРА». ВРЕМЯ В ПУТИ: ДВЕНАДЦАТЬ МИНУТ.

Экран погас и снова включился. На нём появилось лицо Ирины Кроу.

Она почти не изменилась. Это было первое, что насторожило Клауса. Пятнадцать лет меняют лицо, если человеку позволено помнить, через что он прошёл.

— Здравствуй, — сказала она.

— Подпись настоящая?

Ирина не спросила, о чём он.

Её левая рука лежала на столе. Большой палец ритмично тёр указательный — движение, которого раньше у неё не было.

— Да.

Сэм закрыл глаза.

Клаус держал руль неподвижно.

— Ты исключила меня из протокола.

— Да.

— Почему?

Ирина посмотрела куда-то за пределы экрана. На секунду лицо осталось собранным, но пальцы ускорились.

— Сейчас машина попытается доставить вас в башню. Не позволяй.

— Я задал вопрос.

— Ответ не поместится в двенадцать минут.

— Начни с короткого.

Она открыла рот и замолчала. В её взгляде появилась странная пустота — не уклонение, а поиск в месте, где должно было лежать воспоминание.

— Я помню, что у меня была причина, — сказала Ирина. — Саму причину — нет.

Связь оборвалась.

Автомобиль резко изменил курс, направляясь к башне, которая поднималась из воды залива тонкой чёрной иглой.

Сэм посмотрел на Клауса.

— Это было похоже на правду.

— Знаю.

— Тебе от этого легче?

Клаус отключил автоматическое управление. Машина сопротивлялась две секунды, затем отдала руль.

— Нет.

Он направил аэрокар вниз, в старые транспортные тоннели.

За ними уже шли две машины без опознавательных огней.

Впереди был город, в котором корпорация научилась вынимать из человека боль и оставлять вместо неё удобные пустоты. А Клаус впервые понял, что пятнадцать лет ненавидел Ирину за выбор, который она, возможно, больше не могла вспомнить.

Это не делало её невиновной.

Но делало правду значительно опаснее.

Глава 2. Сорок семь

Нэш услышал погоню раньше, чем городской диспетчер признал её существование.

На общей частоте всё оставалось благополучно. Транспорт двигался в пределах нормы, аварий не зарегистрировано, видимость удовлетворительная. Женский голос рекомендовал пассажирам пользоваться верхними маршрутами и благодарил за сознательность. Под этим ровным голосом, на служебном диапазоне, три машины без идентификаторов запрашивали право на принудительную остановку четвёртой.

Нэш сидел в своём такси на технической площадке под Семнадцатой платформой и ел остывшую лапшу. Мир вокруг него складывался из отражённых импульсов: бетонная опора за спиной, тёплый двигатель, две крысы в водостоке, женщина в красном плаще у автомата с лекарствами. Цвет плаща он знал из рекламного сигнала. Самого красного не видел уже шесть лет.

Он отложил коробку и увеличил громкость служебного канала.

— Объект вошёл в нижний тоннель, — сообщил кто-то. — Дистанция двести восемьдесят.

— Пассажиры?

— Трое. Один ранен.

— Разрешение подтверждено. Допустимы повреждения второй категории.

Нэш провёл пальцем по шраму у левого виска.

Вторая категория означала, что машину разрешалось уронить с высоты не более сорока метров. Формально — с расчётом на выживание пассажиров. На практике формулировку придумали люди, которые никогда не сидели внутри падающего аэрокара.

Он включил двигатель.

— Лицензия приостановлена, — напомнила машина. — Причина: задолженность по страховому взносу.

— Я помню.

— Коммерческий рейс невозможен.

— Это не коммерческий.

— Уточните цель поездки.

Нэш вывел такси с площадки.

— Не дать одним идиотам убить других.

— Категория цели не распознана.

— Вот поэтому тебя и не взяли в полицию.

Он нырнул в тоннель.

Чёрный аэрокар шёл ниже разрешённого коридора, почти касаясь днищем старого моно-рельса. За ним держались две машины. Третья поднялась выше и готовилась перекрыть выход. В радиолокационной картине Нэша преследователи выглядели пустыми гладкими телами: никакой гражданской разметки, никакого обмена с городом.

Он знал такие машины.

Пять месяцев назад одна из них ждала возле детского корпуса клиники «Мира», пока врач объяснял ему, почему очередной курс лечения Мии следует считать успешным, хотя она перестала узнавать голос матери на старых записях.

Нэш пристроился под грузовой платформой и открыл узкий канал.

— Чёрная машина, через девяносто метров вас запрут.

Ответил мужчина с хриплым голосом:

— Кто говорит?

— Такси.

— Очень своевременно.

— У меня бывают свободные окна.

В разговор вмешался второй голос, слабее первого:

— Спросите, принимает ли он наличные.

— Сэм, помолчи.

Нэш вывел на их панель маршрут. Не побег из тоннеля — путь к сервисной развилке, закрытой после наводнения. Городская карта считала её тупиком. Нэш знал, что за стеной оставался старый подъёмник для ремонтных бригад.

— Через пятьдесят метров вправо, — сказал он. — Увидите знак очистной службы.

— Почему мы должны вам верить?

— Не должны. Можете продолжать прямо. Там вас уже ждут.

Сзади раздался импульсный хлопок. Преследователи попали в хвостовой стабилизатор чёрной машины. Та качнулась и едва не задела стену.

— Клаус, — произнёс раненый, — сейчас подходящий момент расширить круг доверия.

Через секунду аэрокар резко ушёл вправо.

Нэш последовал за ним.

За знаком очистной службы стояли ворота. Их электронный замок умер двадцать лет назад, зато механический фиксатор продолжал держать створки. Нэш направил короткий импульс в аварийный привод. Ворота раскрылись лишь наполовину.

Чёрная машина прошла, содрав часть обшивки. Такси Нэша протиснулось следом. Первый преследователь попытался повторить манёвр и застрял. Второй затормозил вовремя.

— Это даст нам минуту, — сказал Нэш.

— Нам? — спросил хриплый голос.

— Если они увидели мою машину, грамматика уже изменилась.

Сервисный тоннель поднимался спиралью. Наверху находился заброшенный грузовой терминал, заставленный контейнерами. Нэш посадил такси за старым резервуаром и только тогда позволил системе заглушить двигатель.

Чёрный аэрокар опустился рядом тяжело, на одно колено шасси.

Первым вышел высокий мужчина в мокрой рубашке. Его правая рука была живой, левая — тёмный металл старого образца. Он обошёл машину, открыл пассажирскую дверь и помог выбраться человеку в оранжевых очках. На боку у того расплывалось кровавое пятно.

Нэш видел их не глазами. Радар давал контуры, температуру, движение. Мелкие подробности он собирал из звука и памяти. Металлическая рука отражала сигнал так ярко, будто мужчина нёс возле тела кусок стены.

— Нэш, — представился он.

— Клаус Райнер.

Нэш помолчал.

— Теперь понятно.

— Что именно?

— Почему за вами отправили людей, которых нет в городском реестре.

Раненый прислонился к борту.

— А я Сэм Эверетт. В реестре пока есть, но день ещё не закончился.

Клаус смотрел на Нэша внимательно и без благодарности. Благодарность появлялась после того, как человек решал, что помощь была помощью, а не частью ловушки.

— Вы слушаете закрытые каналы, — сказал он.

— Иногда.

— Почему?

— Потому что официальные новости опаздывают. А моей дочери нельзя опаздывать с лекарствами.

Кlaus перевёл взгляд на такси. На заднем сиденье лежала синяя сумка-холодильник.

— Вы ехали к ней.

— Собирался.

— И вмешались.

— Уже жалею.

Сэм тихо засмеялся, но сразу схватился за бок.

Кlaus подошёл ближе.

— Где ваша дочь?

— Клиника «Мира», детский корпус. Палата семь.

— Диагноз?

— Распад нейронной миелинизации. Если по-человечески — её мозг иногда теряет дорогу к собственному телу.

— «Гармония»?

Нэш повернул к нему лицо.

— Откуда вы знаете?

Сэм ответил вместо Клауса:

— Потому что сегодня утром нас пытались убить из-за её исходного материала.

На площадке было слышно, как в трубах старой станции стекает вода.

— Объясните, — сказал Нэш.

Кlaus не стал. Он достал из кармана прозрачный накопитель и показал лишь на секунду.

— На этом носителе — часть архива пациентов после нейрокоррекции. Возможно, ваша дочь там есть.

— Возможно?

— Мы ещё не открывали всё.

— Тогда откройте.

— Не здесь.

Нэш сделал шаг к нему.

— Вы пришли с людьми «Мира», за вами гонятся люди «Мира», а теперь вы показываете мне накопитель и говорите, что на нём может быть мозг моей дочери. После этого предлагаете подождать?

— Да.

— Плохое предложение.

— Другого нет.

Сэм поднял ладонь.

— Есть. Мы можем хотя бы проверить индекс.

Кlaus посмотрел на него.

— Любое подключение выдаст позицию.

— Не любое. В моём импланте есть автономный считыватель.

— Который они уже пытались вырезать.

— Поэтому я особенно мотивирован доказать его полезность.

Кlaus не ответил. Нэш слышал его дыхание: ровное, чуть глубже обычного. Человек принимал решение, которое хотел выдать за расчёт.

— Тридцать секунд, — сказал Klaus. — Потом уходим.

Сэм приложил накопитель к шраму за ухом. По его лицу прошла судорога. В воздухе возникло узкое поле данных — только номера, даты, служебные отметки.

— Имя? — спросил он.

— Мия Нэш. Двенадцать лет.

Сэм отфильтровал список.

Нашлось три строки.

Первая: **NASH, MIA. ПЕДИАТРИЧЕСКИЙ ПРОТОКОЛ. СОГЛАСИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ПОЛУЧЕНО.**

Вторая: **ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ЯКОРЬ — МАТЕРИНСКИЙ ГОЛОС. ИЗЪЯТ.**

Третья была короче:

ОБРАЗЕЦ 47. ПЕРЕДАН В ОБУЧАЮЩИЙ КОНТУР.

Нэш перечитал её через синтезатор панели. Потом ещё раз.

— Что означает «изъят»?

Сэм снял накопитель. Из носа у него пошла кровь.

— Они удалили связь между воспоминанием и реакцией.

— Я знаю, что они говорили на презентации. Что означает слово?

— Ваша дочь могла сохранить запись голоса. Но перестала чувствовать, кому он принадлежит.

— А сорок семь?

— Номер образца.

— Какого образца?

Сэм посмотрел на Клауса. Тот едва заметно качнул головой: говори.

— Детского страха разлуки, — сказал Сэм. — Или доверия. Это зависит от того, что именно они забрали.

Нэш стоял неподвижно.

Когда умерла Элис, Мии было девять. Первые месяцы дочь засыпала только под старое голосовое сообщение матери. Элис рассказывала, что задержится на работе, просила не съедать клубничное мороженое без неё и в конце дважды говорила: «Я скоро». Запись была ложью, если считать по времени: домой она не вернулась. Но для Мии эти два слова оставались местом, где мать ещё существовала.

После третьей процедуры девочка прослушала сообщение и спросила:

«Почему эта женщина обещает прийти?»

Врач назвал это временной деконтекстуализацией.

Нэш ударил Клауса.

Он не предупреждал и не замахивался. Кулак пришёлся в скулу. Клаус отступил на полшага. Металлическую руку не поднял.

— Это за что? — спросил Сэм.

— Не за него.

Нэш сжал пальцы. Боль в костяшках была простой и честной.

— Просто он оказался ближе всех.

Клаус вытер кровь с губы.

— Ещё раз — и я отвечу.

— Понимаю.

— Нет. Пока не понимаете.

Снизу донёсся металлический удар. Преследователи добрались до ворот.

Клаус повернулся к Сэму:

— Отключай поле.

— Уже.

— Они увидели сигнал?

— Почти наверняка.

Клаус коротко выругался.

Нэш открыл холодильник и достал упаковку препарата.

— Мне нужно в клинику.

— Там будут ждать, — сказал Клаус.

— Мия тоже.

— Если вас возьмут у входа, лекарство ей не поможет.

— А если не привезу, у неё начнутся судороги к полудню.

Клаус посмотрел на часы.

— Сколько у нас?

— Сорок минут.

— Другой препарат?

— Есть дешёвый аналог. После него она сутки не чувствует ног.

Снизу снова ударили. Ворота начали поддаваться.

Клаус подошёл к краю площадки. Старый терминал имел три выхода: грузовой лифт, лестницу на поверхность и узкий канал технического сброса. На поверхности их увидят. Лифт контролировался городом. Канал вёл в Нижний город, но пройти там можно было только пешком.

— Ваше такси умеет ехать без вас? — спросил он.

— Умеет, когда не спорит.

— Отправьте его к клинике пустым. Лекарство — в доставочный контейнер. Пусть система регистрирует обычный медицинский рейс.

— Лицензия приостановлена.

— Используйте мою машину как ретранслятор. У неё корпоративный приоритет.

— И приведём их прямо к дочери.

— Они уже знают, где она. Вопрос в том, знают ли, что вы с нами.

Нэш понял замысел. Две машины расходятся. Корпоративный аэрокар уходит на поверхность и тянет за собой преследование. Такси доставляет препарат. Люди спускаются в канал.

— Кто поведёт приманку? — спросил он.

— Никто.

— Они просканируют салон.

Клаус снял металлическую кисть.

Нэш услышал, как разомкнулись старые фиксаторы. Под протезом оказалась живая культя, покрытая плотной рубцовой тканью. Клаус положил тяжёлую кисть на сиденье корпоративной машины.

— Тепловой контур не даст, — сказал Нэш.

— Им нужен мой идентификатор. Он в приводе.

— А рука?

— Придётся привыкнуть к отсутствию.

Сэм посмотрел на него поверх треснувших очков.

— Ты пятнадцать лет к нему привыкал.

— Значит, есть опыт.

Они действовали быстро. Нэш запрограммировал медицинскую доставку. Такси приняло сумку, закрыло двери и поднялось к поверхности по западной шахте. Корпоративная машина ушла восточнее, передавая идентификатор Клауса и маршрут к старым докам.

Через несколько секунд внизу изменился гул двигателей. Погоня разделилась.

— Один остался, — сказал Нэш.

— Умный, — ответил Клаус.

Они вошли в канал технического сброса. Впереди шёл Нэш: радар лучше обычного зрения различал провалы в ржавом настиле. За ним — Сэм. Клаус замыкал, прижимая культю к груди. Без металлической руки его силуэт стал неожиданно обычным.

— Куда мы идём? — спросил Нэш.

— К человеку, который умеет читать архивы, не подключаясь к сети.

— Вы ему доверяете?

— Нет.

— Тогда почему к нему?

— Потому что он не доверяет мне. Иногда это надёжнее дружбы.

Канал уходил вниз. Над головами прошла машина преследователей. Пыль посыпалась с потолка.

Нэш получил короткое сообщение от такси:

ДОСТАВКА ПРИНЯТА. ПАЛАТА 7.

За ним пришло второе, неавтоматическое.

ПАПА, ТЫ ГДЕ?

Он не ответил сразу.

Впереди Клаус остановился у проржавевшей лестницы и одной рукой помог Сэму перейти провал. Делал это неловко, без привычной силы. Сэм едва не сорвался, но удержался.

— Я с людьми, которые знают, что с тобой сделали, — наконец продиктовал Нэш. — Я вернусь.

Он хотел добавить «скоро», но не стал.

В их семье это слово уже однажды оказалось слишком тяжёлым.

Ответ Мии пришёл через минуту:

ТОГДА УЗНАЙ, ЗАЧЕМ.

Нэш сохранил сообщение.

Где-то позади открылась дверь канала. В темноте появились шаги.

Клаус прижался спиной к стене и посмотрел на пустое крепление протеза.

— Оружие есть? — спросил он.

Нэш вынул из кармана складную трость.

— Только средство ориентации.

Трость раскрылась с сухим щелчком. Внутри шёл стальной сердечник.

Сэм поднял хирургический степлер, который всё ещё каким-то образом оставался у него.

— А у меня медицинское образование.

Шаги приближались.

Клаус посмотрел на двух людей, которых ещё час назад не знал, и впервые за утро улыбнулся без злости.

— Прекрасно, — сказал он. — Значит, постараемся никого не убить.

Глава 3. Допустимые потери

Человек, который вошёл в канал, был один.

Он не включал фонарь и не торопился. Шаг, короткая пауза, ещё шаг. Обувь мягкая, без металлических деталей. Дыхание ровное. Нэш слышал, как незнакомец проверяет боковые ответвления, хотя тот почти не касался стен.

Клаус показал Сэму на углубление за трубами. Сам встал у поворота, прижав правое плечо к бетону. Без протеза равновесие давалось хуже: корпус едва заметно тянуло влево. Он компенсировал это положением ног.

Нэш остался посреди прохода.

— Вы мешаете, — шепнул Клаус.

— Наоборот. Я выгляжу безопасно.

— Вы выглядите как человек со стальной тростью.

— Это предрассудок.

Незнакомец остановился за поворотом.

— Капитан Райнер, — произнёс он. — Доктор Эверетт. Я пришёл без оружия.

Клаус не ответил.

— Господин Нэш, ваша дочь получила препарат три минуты назад. Показатели стабильны.

Нэш сжал рукоять трости.

— Откуда вы знаете?

— Клиника принадлежит моему работодателю.

— Тогда идите сюда с поднятыми руками.

— Боюсь, капитан неправильно истолкует движение.

— Капитан сейчас без одной руки, — сказал Сэм из-за труб. — Это должно повысить вашу уверенность.

— Доктор, ваша попытка разрядить обстановку отмечена.

Нэш услышал лёгкий шорох ткани. Человек поднял руки и вышел из-за поворота.

На нём был серый костюм, слишком чистый для технического канала. Лет сорок, короткие волосы, никакого импланта на открытых участках кожи. Клаус шагнул из укрытия и ударил его правой ладонью в грудь, прижимая к стене.

— Имя.

— Адриан Лейн.

Сэм показался из темноты.

— Председатель наблюдательного совета «Мира» ходит по канализации один?

— Когда не хочет, чтобы совет знал о встрече.

Клаус обыскал его. Оружия не было. Только тонкий медицинский браслет и бумажная карточка с адресом.

— Зачем пришли?

— Исправить ошибку.

— Какую из них?

Лейн посмотрел на пустое крепление протеза.

— Машина-приманка уже уничтожена. Боюсь, ваша рука тоже.

Клаус сильнее прижал его к стене.

— Это не ответ.

— Я не отдавал приказ стрелять у клиники. Протокол задержания изменили без моего согласия.

— Но с вашим доступом.

— Да.

— Удобное различие.

Лейн не отвёл взгляд.

— Я не рассчитываю, что вы мне поверите. Я рассчитываю, что вы проверите данные.

Он кивнул на бумажную карточку, которую Клаус держал между пальцами.

Адрес находился в Нижнем городе. Квартира над закрытой пекарней.

— Что там?

— Человек, пострадавший сегодня утром. Леон Абрамс, шестьдесят два года. Перелом таза, повреждение печени. Городская служба отказала в госпитализации: инцидент получил корпоративный уровень изоляции.

Клаус застыл.

Нэш не знал, кто такой Леон, но понял по изменившемуся дыханию.

— Мужчина у пекарни, — сказал Сэм.

— Да, — ответил Лейн. — Тот, которого вы считали выведенным с улицы.

Клаус отпустил его.

— Он жив?

— Пока. Его дочь работает фельдшером. Оказывает помощь дома.

— Почему не в больнице?

— Я только что объяснил.

— Объяснили формулировку. Я спрашиваю почему.

Лейн поправил воротник.

— Потому что юристы «Мира» не хотят независимой медицинской карты. Ранение гражданского противоречит официальной версии, согласно которой у клиники произошёл конфликт между вооружёнными террористами.

— Вы председатель совета, — сказал Нэш. — Отмените приказ.

— Не могу.

— Тогда вы плохо председательствуете.

— Совет состоит из одиннадцати человек. После запуска чрезвычайного протокола решения принимаются семью голосами. У меня три.

Сэм прислонился к трубе. Лицо у него серело.

— И вы решили раздобыть четвёртый в канализации?

— Я решил помешать коллегам получить архив.

— Зачем он им?

— Чтобы определить, какие части проекта требуется уничтожить вместе со свидетелями.

Слова прозвучали буднично. Лейн не пытался сделать их страшнее.

Клаус поднял карточку.

— Мы едем к Абрамсу.

— Это неразумно, — сказал Лейн. — За домом наблюдают.

— Тем более.

— Капитан, если вас возьмут, архив вернётся совету.

— А если не поеду, человек может умереть из-за моего решения.

— Вы не стреляли в него.

— Я начал бой, не убедившись, что улица пуста.

— Вы пытались спасти десятки людей.

— И не спас одного.

Лейн чуть наклонил голову, словно услышал не аргумент, а редкий симптом.

— Именно поэтому вам нельзя принимать стратегические решения. Вы не умеете различать масштаб.

Клаус приблизился к нему.

— А вы слишком хорошо умеете.

Сэм вмешался прежде, чем разговор стал физическим:

— Мне нужен хирург. Клаусу — протез. Нэшу — ответы о дочери. Леону Абрамсу — больница. Если будем спорить о человечестве здесь, получим четыре маленьких трупа и одну очень содержательную дискуссию.

Лейн посмотрел на его бок.

— В двух кварталах есть подпольный медпункт. Я могу провести.

— Почему вы? — спросил Нэш.

— Потому что человек, к которому направлялся капитан, умер прошлой ночью.

Клаус резко повернулся.

— Виктор Орлов?

— Официально — сердечный приступ. Его мастерскую обыскали.

Сэм закрыл глаза.

— Вы уверены?

— Я видел тело.

Несколько секунд слышалась только вода.

Клаус забрал у Лейна браслет и раздавил его каблуком.

— Ведите.

— Браслет был экранирован.

— Теперь он ещё надёжнее.

• • •

Медпункт располагался под баней, закрытой после бактериальной вспышки. Вход скрывала кабинка старого грузового лифта. Лейн постучал три раза, подождал, затем ещё два.

Дверь открыла женщина с выбритым виском и хирургической маской на шее.

— Адриан, — сказала она. — Ты опоздал на семь лет.

— Здравствуй, Рут.

Она увидела кровь на рубашке Сэма.

— Внутрь.

— За нами могут следить, — предупредил Клаус.

— Тогда будете объяснять моим пациентам, почему привели смерть в единственное место, где их не спрашивают о страховке.

— Объясню.

Рут посмотрела на него с неприязнью.

— Такие, как ты, всегда готовы объяснить после.

Внутри пахло антисептиком, сыростью и варёной капустой. За занавесками стояло шесть коек. На одной спал подросток с искусственной кожей на половине лица, на другой женщина кормила ребёнка. Рут провела Сэма в операционную, которой когда-то служила парная.

— Нож прошёл вдоль ребра, — сказал Клаус. — Герметик наложен час назад.

— Выйди.

— Я останусь.

— Тогда оперируй сам.

Сэм лёг на стол.

— Клаус, если она убьёт меня, можешь потом выразительно постоять рядом.

Клаус вышел.

Рут закрыла дверь.

Нэш сел у стены. Лейн остался стоять.

— Мия была в проекте с самого начала? — спросил Нэш.

— Нет, — ответил Лейн.

— Что значит «с самого начала»?

— Первый контур строили на военных данных. Детские протоколы добавили четыре года назад.

— Вы голосовали за?

— Да.

Клаус посмотрел на него.

Лейн продолжил прежде, чем его спросили:

— Испытания на взрослых показали ограничение. Сформировавшаяся личность компенсирует удалённые связи. Мозг прокладывает обходные пути. Детский мозг пластичнее.

Нэш поднялся.

— Вы использовали это как преимущество.

— Мы считали, что можем лечить болезни, ранее неизлечимые.

— И лечили?

— Некоторых.

— Мою дочь?

Лейн помолчал.

— Её двигательные показатели улучшились на тридцать один процент.

— Она забыла голос матери.

— Я знаю.

— Нет, — сказал Нэш. — Вы прочитали это в отчёте. Знать — это когда она спрашивает тебя, почему чужая женщина говорит с ней так ласково.

Лейн принял удар словами без видимой реакции. Возможно, потому что привык. Возможно, потому что не почувствовал.

— Образец сорок семь использовали для обучения системы распознавать привязанность, — сказал он. — Это не входило в лечебный протокол.

— Кто разрешил?

— Ирина Кроу подписала пакет передачи.

Клаус сжал единственный кулак.

— Она помнит?

— Не знаю. После полевого испытания Кроу прошла глубокую коррекцию. Позже — ещё две.

— Добровольно?

— Первая процедура была условием допуска к службе.

— Это не ответ.

— В документах стоит согласие.

Клаус усмехнулся без радости.

— Бумага вообще очень храбрая вещь. Подписывает то, на что человек не согласился бы вслух.

Дверь операционной открылась. Рут вышла, снимая окровавленные перчатки.

— Жить будет. Потерял много крови. Имплант перегрет, рядом воспаление. Если ещё раз подключит внешний носитель, можете сразу искать другого психолога.

— Когда сможет идти? — спросил Клаус.

— Завтра.

— У нас нет завтра.

— Тогда несите. Но если шов разойдётся, я второй раз не возьмусь.

Клаус достал карточку с адресом Абрамса.

— У вас есть машина скорой помощи?

Рут посмотрела на него.

— Есть тележка и два студента, которые умеют не падать в обморок.

— Человек по этому адресу нуждается в операции. Корпорация блокирует госпитализацию.

Она прочитала имя.

— Леон? Я знаю его дочь.

— Можете помочь?

— Могу привезти сюда. Но у меня нет плазмы и оборудования для печени.

Лейн сказал:

— В башне есть хирургический модуль.

Все посмотрели на него.

— Вы предлагаете отвезти пострадавшего в «Мир»? — спросил Нэш.

— Предлагаю использовать то, что принадлежит городу, хотя корпорация считает иначе.

— Его арестуют вместе с нами, — сказал Клаус.

— Не если войти через детский корпус. Там автономная логистика и отдельная охрана.

Нэш понял раньше остальных.

— Через палату Мии.

— Через служебный лифт рядом с палатой, — уточнил Лейн.

— Вы хотите использовать мою дочь как пропуск.

— Её карта пациента откроет медицинский коридор.

— Нет.

— Без этого Абрамс, вероятно, умрёт.

— Тогда ищите другой путь.

Лейн повернулся к Клаусу.

— Вот масштаб, капитан. Один цифровой след ребёнка в обмен на жизнь человека.

Клаус посмотрел на адрес в руке, потом на Нэша.

Он мог приказать. Нэш уже оказался внутри операции, знал слишком много, а времени не было. Военная часть сознания быстро выстроила доводы: Мия физически не пострадает; след всё равно существует; Леон умирает сейчас; отказ основан на страхе отца, а не на расчёте.

Именно так звучали правильные причины, когда ими готовились распоряжаться чужим ребёнком.

— Ищем другой путь, — сказал Клаус.

Лейн впервые потерял спокойствие.

— У нас минуты.

— Значит, думайте быстрее.

— Вы готовы дать человеку умереть, чтобы сохранить принцип?

Клаус подошёл к нему вплотную.

— Нет. Я готов отвечать за то, что не нашёл способа его спасти. Но дочь Нэша не станет инструментом только потому, что у нас хорошие намерения.

Из операционной донёсся голос Сэма:

— Есть способ.

Он стоял в дверях, бледный, с перевязанным боком. Рут поддерживала его за локоть и явно собиралась ударить.

— Тебе нельзя вставать, — сказал Клаус.

— Мне много чего нельзя. Это делает жизнь структурированной.

Сэм показал на накопитель.

— В архиве есть медицинские идентификаторы тысяч пациентов. Мы можем создать фантомный экстренный маршрут. Не Мия откроет коридор. Его откроет сама система, потому что будет считать, что в машине сразу двенадцать приоритетных пациентов.

— Подключаться нельзя, — напомнила Рут.

— Мне — нельзя.

Он посмотрел на Лейна.

— А у председателя совета наверняка есть совершенно здоровый имплант.

Лейн понял цену предложения.

— Если я подключусь к украденному архиву, совет получит доказательство измены.

— Да, — сказал Нэш. — Неприятно, когда средство касается тебя лично.

Лейн долго смотрел на прозрачный носитель.

Потом снял пиджак и закатал рукав. На внутренней стороне предплечья проступил сервисный порт.

— Сколько времени?

Сэм взглянул на часы.

— Чтобы спасти Абрамса — мало. Чтобы испортить вам карьеру — более чем достаточно.

Лейн протянул руку.

— Начинайте.

• • •

Через девять минут Рут и её студенты выехали за Леоном на старом фургоне. Через семнадцать вернулись. Мужчина лежал без сознания, кожа приобрела восковой оттенок. Его дочь сидела рядом, удерживая пакет с плазмозаменителем.

Клаус увидел её и узнал женщину, которую утром отвёл от клиники вместе с мальчиком.

Она узнала его тоже.

— Вы, — сказала она.

Клаус не стал спрашивать имя.

— Я.

Она ударила его по лицу. В ту же скулу, куда недавно попал Нэш. Удар был слабее, но Клаус пошатнулся сильнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.